

*Дикая собака динго,
или
Повесть
о первой любви*

I

Тонкая леса была спущена в воду, под толстый корень, шевелившийся от каждого движения волны.

Девочка ловила форель.

Она сидела неподвижно на камне, и река обдавала ее шумом. Глаза ее были опущены вниз. Но взгляд их, утомленный блеском, рассеянным повсюду над водой, не был пристален. Она часто отводила его в сторону и устремляла вдаль, где круглые горы, осененные лесом, стояли над самой рекой.

Воздух был еще светел, и небо, стесненное горами, казалось только равниной, чуть озаренной закатом.

Но и этот воздух, знакомый ей с первых дней жизни, и это небо не привлекали ее сейчас.

Широко открытыми глазами следила она за вечно бегущей водой, силясь представить в своем воображении те неизведанные края, куда и откуда бежала река. Господи помилуй, ей хотелось увидеть иные страны, иной мир: например — австралийскую собаку динго. Потом ей хотелось еще быть пилотом и при этом немного петь.

И она запела. Сначала тихо, потом громче.

У нее был голос приятный для слуха. Но пусто было вокруг. Лишь водяная крыса, испуганная ее песней, близко плеснулась возле корня и поплыла к камышам, волоча за собой в нору зеленую тростинку. Тростинка была длинна, и крыса трудилась напрасно, не в силах протащить ее сквозь густую речную траву.

Девочка с жалостью посмотрела на крысу и перестала петь. Потом поднялась, вытащив лесу из воды.

От взмаха ее руки крыса шмыгнула в тростник, а темная, в пятнах, форель, до того неподвижно стоявшая на светлой струе, подпрыгнула и ушла в глубину.

Девочка осталась одна. Она взглянула на солнце, которое было уже близко к закату и клонилось к вершине еловой горы.

И хотя было уже поздно, девочка не спешила уйти. Она медленно повернулась на камне и неторопливо зашагала вверх по тропинке, где навстречу ей по полному склону горы спускался высокий лес.

Она вошла в него смело.

Шум воды, бегущей меж рядами камней, остался за ее спиной, и перед ней раскрылась тишина.

И в этой вековой тишине услышала она вдруг звук горна. Он прошелся по просеке, где, не шевеля ветвями, стояли старые пихты, и протрубил ей в уши, напомним, что надо спешить.

Однако девочка не прибавила шагу. Обогнув круглое болотце, где росли желтые саранки, она наклонилась и острым сучком вырыла из земли вместе с корнями несколько бледных цветов. Руки ее уже были полны, когда позади раздался тихий шум шагов и голос, громко зовущий ее по имени:

— Таня!

Она обернулась. На просеке, возле высокой муравьиной кучи, стоял нанайский мальчик Филька и манил ее к себе рукой. Она подошла, дружелюбно глядя на него.

Возле Фильки на широком пне увидела она котелок, полный брусники. А сам Филька узким охотничьим ножом, сделанным из якутской стали, очищал от коры свежий березовый прут.

— Разве ты не слышала горна? — спросил он. — Почему же ты не спешишь?

Она ответила:

— Сегодня родительский день. Мать моя приехать не может. Она в больнице, на работе. И в лагере меня никто не ждет. А почему ты не спешишь? — добавила она с улыбкой.

— Сегодня родительский день, — ответил он так же, как она. — И ко мне приехал из стойбища отец, а я пошел его проводить до еловой сопки.

— Разве ты уже проводил его? Ведь это далеко.

— Нет, — ответил с достоинством Филька, — зачем я буду его провожать, если он остался ночевать возле нашего лагеря у реки? Я выкупался за Большими камнями и пошел искать тебя. Я слышал, как ты громко пела.

Девочка посмотрела на него и засмеялась.

А Филька, на лице которого кожа была смуглая, потемнел еще больше.

— Но если ты не спешишь никуда, — сказал он, — то постоим тут немного. Я угощу тебя муравьиным соком.

— Ты уже угощал меня утром сырою рыбой.

— Да, но то была рыба, а это уже совсем другое, попробуй, — сказал Филька.

И он воткнул свой прут в самую середину муравьиной кучи. И, склонившись над ней вдвоем, они подождали немного, пока тонкая ветка, очищенная от коры, не покроется сплошь муравьями. Потом он стряхнул их, слегка ударил веткой по кедру и показал ее Тане. На блестящей заболони видны были капли муравьиной кислоты. Он слизнул их и дал попробовать Тане. Она тоже лизнула и сказала:

— Это очень вкусно. Я всегда любила муравьиный сок.

И она двинулась дальше, а Филька пошел с нею рядом, не отставая от нее ни на шаг.

Они молчали. Таня — потому, что любила думать понемногу обо всем и молчать всякий раз, когда входила в этот молчаливый лес. А Филька о таком чистей-

шем пустяке, как муравьиный сок, тоже не хотел говорить. Все же это был только сок, который она могла отлично добывать и сама.

Так прошли они всю просеку, не сказав друг другу ни слова, и вышли на другой склон горы, и здесь, совсем близко под каменным обрывом, все у той же самой реки, без усталости спешившей к морю, увидели они свой лагерь — просторные палатки, стоявшие на поляне в ряд.

Из лагеря доносился шум. Взрослые, должно быть, уже уехали домой, и шумели одни только дети. Но голоса их были так громки, что здесь, наверху, среди молчания серых морщинистых камней, Тане показалось, что где-то далеко гудит и качается лес.

— А ведь никак уже строятся на линейку, — сказала она. — Тебе бы следовало, Филька, прийти в лагерь раньше меня, потому что не посмеются ли над нами, что так часто мы приходим вместе?

«Вот уж про это ей бы не следовало говорить», — подумал с горькой обидой Филька.

И, схватившись за цепкий слойник, торчащий над обрывом, он прыгнул вниз, на тропинку, так далеко, что Тане стало страшно.

Но он не разбился. И Таня бросилась бежать по другой тропинке между низких сосен, криво растущих на камнях...

Тропинка привела ее на дорогу, которая, точно река, выбегала из леса и, точно река, блеснула ей в глаза своими камнями и щебнем и прошумела длинным автобусом, полным людей.

Это взрослые уезжали из лагеря в город.

Автобус проехал мимо. Но девочка не посмотрела в его окна, не проводила взглядом его колеса. Она никого не ждала.

Она пересекла дорогу и вбежала в лагерь, легко перескакивая через канавы и кочки, так как была проворна.

Дети встретили ее криком. Флаг на шесте похлопал ей прямо в лицо. И она стала в свой ряд, положив цветы на землю.

Вожатый Костя погрозил ей глазами и сказал:

— Таня Сабанеева, на линейку надо становиться вовремя. Смирно! Направо равняйся! Ощущайте локтем соседа.

Таня пошире раздвинула локти, подумав при этом: «Хорошо, если у тебя справа друзья... Хорошо, если они и слева. Хорошо, если они и там и тут».

И, повернув голову направо, Таня увидела Фильку. После купанья смуглое лицо его блестело, как камень, а галстук был темен от воды.

И вожатый сказал ему:

— Филька, какой же ты пионер, если каждый раз делаешь себе из галстука плавки! Не ври, не ври, пожалуйста! Я сам все знаю. погоди, я уж поговорю с твоим отцом серьезно.

«Бедный Филька, — подумала Таня, — ему сегодня не везет».

Она смотрела все время направо. Налево же она не смотрела. Во-первых, потому, что было это не по правилам, а во-вторых, потому, что там стояла толстая девочка Женя, которую она не предпочитала другим.

Ах, этот лагерь, где вот уже пятый год подряд проводит она свое лето! Почему-то сегодня он ей кажется не таким веселым, как прежде. А ведь всегда она так любила просыпаться в палатке на заре, когда с тонких шипов ежевики капает на землю роса, любила звук горна в лесу, ревущего подобно изюбру, и стук барабанных палочек, и кислый муравьиный сок, и песни у костра, который она умела разводить лучше всех в отряде.

Что же сегодня случилось? Неужели эта бегущая к морю река навеяла на нее эти странные мысли? С каким смутным предчувствием следила она за ней? Куда хотелось ей плыть? Зачем понадобилась ей австра-

лийская собака динго? Зачем она ей? Или это просто уходит от нее ее детство? Кто знает, когда уходит оно?

Таня с удивлением думала об этом, стоя смиренно на линейке, и думала об этом позже, сидя в столовой палатке за ужином. И только у костра, который поручили ей развести, она взяла себя в руки.

Она принесла из лесу тонкую березку, высохшую на земле после бури, и поставила ее посредине костра, а кругом искусно развела огонь. Филька же окопал его и подождал, пока не займутся сучья. И березка горела без искр, но с легким шумом, со всех сторон окруженная сумраком.

Дети из других звеньев приходили к костру любоваться. Приходил и вожатый Костя, и доктор с бритой головой, и даже сам начальник лагеря. Он спросил их, почему они не поют и не играют, раз у них такой красивый костер.

И дети спели одну песню, потом другую.

А Тане не хотелось петь.

Как прежде на воду, широко открытыми глазами смотрела она на огонь, тоже вечно подвижный и постоянно стремящийся вверх. Он шумел о чем-то, навевая на душу неясные предчувствия.

Филька, который не мог видеть ее печальной, принес к костру свой котелок с брусничкой, желая порадовать ее тем немногим, что у него было. Он угостил всех товарищей по звену, но Тане выбрал ягоды самые крупные. Они были спелы и прохладны, и Таня съела их с удовольствием. А Филька, видя ее снова веселой, начал рассказывать о медведях, потому что отец его был охотник. И кто же другой мог так хорошо рассказать о медведях?

Но Таня прервала его.

— Я родилась здесь, в этом краю и в этом городе, и никогда не бывала в другом месте, — сказала она, — но всегда удивлялась, почему здесь так много говорят о медведях. Постоянно о медведях...

— Потому что кругом тайга, а в тайге водится много медведей, — ответила толстая девочка Женя, у которой не было никакой фантазии, но которая все-таки умела находить верную причину.

Таня задумчиво посмотрела на нее и спросила у Фильки, не может ли он что-нибудь рассказать об австралийской собаке динго.

Но оказалось, что о дикой собаке динго Филька ничего не знал. Он мог бы рассказать о злых гиляцких собаках, о лайках, но об австралийской собаке ему ничего не было известно. Не знали о ней и другие дети.

И толстая девочка Женя спросила:

— А скажи, пожалуйста, Таня, зачем тебе австралийская собака динго?

Но Таня ничего не ответила, потому что в самом деле ничего на это не могла ответить. Она только вздохнула.

Словно от этого тихого вздоха, березка, горевшая до того так ровно и ярко, вдруг закачалась, как живая, и, рухнув, рассыпалась пеплом. В кругу, где сидела Таня, стало темно. Мрак подступил близко к детям. Все закричали.

И тотчас же из темноты раздался голос, которого никто не знал. Это не был голос вожакого Кости.

Он сказал:

— Ай, ай, маленький, чего кричишь!

И чья-то темная большая рука пронесла над головой Фильки целую охапку сучьев и бросила их в костер. Это были еловые лапы, которые дают так много света и искр, с гудением уносящихся вверх. И там, наверху, они гаснут не скоро, они горят и мерцают, точно целые горсти звезд.

Дети вскочили на ноги, а к костру подсел человек. Он был с виду мал, носил кожаные наколенники, а на голове у него была берестяная шляпа.

— Не бойтесь, не бойтесь его! — закричала Таня. — Это Филькин отец, охотник. Он ночует сегодня тут, рядом с нашим лагерем. Я его хорошо знаю.

Охотник подсел к Тане поближе и закивал ей головой и улыбнулся. Улыбнулся он и другим детям, показав свои широкие зубы, в которых крепко сжимал тростниковую трубочку. Каждую минуту он подносил к своей трубочке уголек и сопел ею, ничего никому не говоря. Но это сопение, этот тихий и мирный звук говорил всем, кто хотел его слушать, что в голове странного охотника нет никаких дурных мыслей.

И поэтому, когда к костру подошел вожатый Костя и спросил, почему у них в лагере находится посторонний человек, дети закричали все вместе:

— Не трогай его, Костя! Это Филькин отец, пусть посидит у нашего костра. Нам с ним весело.

— Ага, так это Филькин отец? — сказал Костя. — Отлично. Я узнаю его. Но в таком случае я должен сообщить вам, товарищ охотник, что сын ваш Филька постоянно ест сырую рыбу и угощает ею других, например Таню Сабанееву. Это одно. А во-вторых, из своего пионерского галстука он делает себе плавки, купается возле Больших камней, что категорически было ему запрещено.

И, сказав это, Костя ушел к другим кострам, ярко горевшим на поляне. А так как охотник не все понял из того, что сказал Костя, то посмотрел ему вслед с уважением и на всякий случай покачал головой.

— Филька, — сказал он, — я живу в стойбище и охочусь на зверя и плачу деньги для того, чтобы ты жил в городе и учился и был всегда сыт. Но что же из тебя выйдет, если за один только день ты сделал так много зла, что на тебя жалуются начальники? Вот тебе за это ремень, иди в лес и приведи сюда моего оленя. Он пасется близко отсюда. Я переночую у вашего костра.

И он дал Фильке ремень, сделанный из лосиной кожи и такой длинный, что его можно было закинуть на вершину самого высокого кедра.

Филька поднялся на ноги, глядя на товарищей: не разделит ли кто-нибудь с ним его наказание?

Тане стало жалко его: ведь это ее он угощал утром сырой рыбой, а вечером муравьиным соком и, может быть, ради нее купался у Больших камней.

Она вскочила с земли и сказала:

— Филька, пойдем, мы поймаем оленя и приведем его к твоему отцу.

И они побежали к лесу, который встретил их по-прежнему молчаливо. Скрещенные тени лежали на мху между елями, и волчьи ягоды на кустах блестели от света звезд. Олень стоял тут же близко под пихтой и объедал мох, свисавший с ее ветвей. Олень был так смирен, что Фильке не пришлось даже развернуть аркан, чтобы набросить его на рога. Таня надела на оленя повод и, ступая по росистой траве, вывела его на опушку, а Филька привел к костру.

И охотник засмеялся, увидев детей у костра с оленем. Он предложил Тане свою трубочку, чтобы она покурила, так как был добрый человек.

Но дети громко захохотали. А Филька строго сказал ему:

— Отец, пионеры не курят, им нельзя курить.

Охотник был очень удивлен. Но недаром же он платит деньги за сына, недаром же сын живет в городе, ходит в школу и носит на шее красный платок. Должен же он знать такие вещи, о которых не знает отец. И охотник закурил сам, положив только руку на плечо Тани. А олень его подышал ей в лицо и прикоснулся к ней рогами, которые при желании могли быть нежными, хотя уже давно затвердели и были гладки, как камень.

Таня опустилась на землю рядом с охотником, почти счастливая.

На поляне всюду горели костры, и вокруг костров пели дети, и доктор ходил среди детей, заботясь, чтобы они не простудились на закате.

И Таня с удивлением думала: «В самом деле, разве это не лучше австралийской собаки динго?»

Так почему же все-таки ей хочется плыть по реке, почему все звенит в ушах голос ее струй, бьющихся о камни, и хочется в жизни перемен?

— Ах, прошло лето, — сказала тихо Таня, — через несколько дней уже в школу.

II

Саранки, которые Таня вчера острым сучком вырыла из земли, сохранились наутро прекрасно. Она укутала их корни мокрой травой и мхом, завернула стебли в свежую бересту, и когда взяла цветы под мышку, а на спину повесила свой вещевой мешок, то сразу превратилась в путника, готового в далекую дорогу.

Перемены оказались неожиданно близкими. Лагерь решили закрыть, а детей отвезти в город, потому что доктор нашел, что ночная роса очень вредна для здоровья. Как-никак, ведь была уже осень.

И верно, больше стало осенних трав, и вот уже целую неделю, как по утрам палатки покрывались инеем, а на листьях в лесу до полудня висели капли росы, все до одной ядовитые, точно змеи.

Однако путь, который лежал перед Таней, не был далеким путем. Собственно, это была та самая дорога, по которой вчера проехал с шумом автобус.

Хотя она выбегала из леса и убегала в лес и была совсем новая, однако на ней сегодня стояла пыль — кремнистая пыль, которую даже старые пихты, растущие вдоль обочин, не могли никак унять. Они только отмахивались от нее своими синими лапами.

И Таня отлично видела это, шагая позади всех в золотистом венце пыли. А рядом с ней шел Филька со своим отцом, и самым последним — олень. Он тоже не любил пыли и громких медных труб, в которые каждые полчаса трубили лагерные музыканты, шагавшие за возами с поклажей. А когда мимо проехали на танках красноармейцы и крикнули детям: «Ура!», он так сильно натянул повод, что вырвал его из рук охотника и скрылся в лесу между стволами высоких сосен вместе со своим вьюком. А ведь именно в этом вьюке были самые дорогие вещи Фильки и Тани.

Оленя пришлось искать.

Они нашли его среди тонких берез, как и он, дрожавших от страха.

Долго не хотел олень выходить из лесу. Но когда наконец охотник вывел его снова на дорогу, музыки уже не было слышно, и пыль улеглась на те самые камни, с каких она поднялась. И пихты больше не махали ветвями.

Лагерь ушел далеко вперед.

Не что другое, как именно это обстоятельство, послужило причиной тому, что, войдя в город с холщовой сумочкой за плечами и в тапках, разбитых об острый щебень дороги, Таня у себя дома никого не нашла. И тут ее никто не ждал.

Мать, не дождавшись, ушла на работу в больницу, как уходила она постоянно, а старая нянька полоскала на речке белье. Ворота же были открыты.

И Таня вошла в свой двор.

Но много ли путнику нужно? Напиться холодной воды, посидеть на траве, опустив руки на землю. Вот под забором трава. Она стала тоньше, перья ее уже сожжены ночным инеем, а все же под вечер и в ней трещат кузнечики, бог весть как попавшие в город. А вот и вода. Правда, она не бежит, не струится. Она зиму и лето стоит посреди двора в бочке, прикованная к старым саням.

Таня открыла затычку и дала напитаться цветам, смочив их корни, укутанные белым мхом.

Потом напилась сама и подошла к деревьям, растущим направо от крыльца. Широкая ель и береза с тонкими ветвями стояли тихо рядом. Ель еще была хороша. Тени ее хватало на полдвора и больше. Но береза! Она уже начинала желтеть.

Таня потрогала ее белый ствол, весь усеянный наростами.

— Что это? Уже осень? — спросила она.

И береза уронила сморщенный лист в ее подставленные ладони.

— Да, да, — сказала Таня, — это в самом деле осень. Однако ирисы под окном еще стоят; может быть, и мои саранки постоят немного. Но где же все наши?

В это время услышала она рядом с собой тихую возню и ворчание. Оказалось, что это старая кошка Казак привела своих котят и заставила их попрыгать перед Таней. Потом прибежала утка, держа в клюве червя.

Котята за лето выросли, и самый маленький из них, по прозвищу Орел, уже не боялся ни червей, ни утки.

Затем в калитке показалась собака. Была она ничтожна ростом, с большой головой, и было ей лет девять по крайней мере.

Заметив Таню, она остановилась в воротах, и в старых, слезящихся глазах ее засветился стыд — ей было совестно, что не она первая узнала о возвращении Тани. Невольным ее движением было уйти назад, вовсе не заметить Таню. Ведь бывают же и такие случаи в собачьей жизни. Она повернула уже было налево, к водовозке, не вильнув даже хвостом. Но все ее хитрые умыслы разлетелись прахом в тот самый миг, как только Таня позвала ее по имени:

— Тигр!

И тотчас же собака подпрыгнула на своих коротких ногах и бросилась к Тане, в ее зажатые колени.

Таня долго гладила ее голову, покрытую короткой жесткой шерстью, где под кожей нащупывались уже старческие бугры.

Да, все это были уже старые и слабые существа, хотя имена их были грозны.

Таня смотрела на собаку с любовью.

А когда подняла глаза, то увидела няньку — тоже старуху с глубокими морщинами, со взором, уже потускневшим от долгой жизни.

Поставив ведро с бельем на землю, нянька поцеловала Таню и сказала:

— Какая ты черная стала, совсем как гиляк! Не хуже твоего Фильки. А мамы-то ведь нету дома. Ждала, ждала, не дождалась, на работу ушла. Одни, значит, мы с тобой остались. Мы завсегда одни. Хочешь, самовар поставлю? А то поешь чего? Уж не знаю, чем они вас там в лагере кормят. Поди, насилу проглотишь.

Нет, Таня не хотела есть.

Она отнесла только в дом свою сумочку, походила по тихим комнатам, потрогала книги на полке.

Да, нянька была права. Как часто Таня оставалась одна хозяйном своего досуга и желаний! Но только она одна знала, как эта свобода тяготила ее. В доме нет ни сестер, ни братьев. И мамы часто нет. Грудь стесняется чувством горьким и нежным, вызывающим слезы на глаза. Откуда проникает оно? Запах ли это рук и лица матери, или запах ее одежды, или это ее взгляд, смягченный постоянной заботой, который Таня носит в своей памяти повсюду и всегда?

Раньше каждый раз, как мать собиралась из дому, Таня начинала плакать, но теперь только думала о ней с непрестанной нежностью.

Она не спросила у няньки, скоро ли вернется мать. Она только потрогала ее платье в шкафу, посидела на

ее кровати и снова вышла во двор. Надо же было наконец как-нибудь устроить цветы, которые она вырыла в лесу на болотце.

— Но ведь осень, Таня, — сказала нянька, — какие теперь цветы?

— Ну какая же у нас осень! Посмотри, — ответила Таня.

Осень, как всегда, проходила над городом без тумана. И окрестные горы, как весной, были темны от хвои, и долго не склонялось над лесом солнце, и долго во дворах под окнами цвели большие, без запаха цветы.

В самом деле, может быть, и саранки постоят еще немного. А если засохнут, то все же корни их будут в земле.

И Таня широким ножом вырыла в земле несколько ямок на грядке и подперла стебли саранок палочками.

Тигр же ходил меж грядок и обнюхивал их. А обнюхав, поднял свою большую голову с земли и посмотрел вверх, на забор. Посмотрела туда и Таня.

На заборе сидел Филька. Он был уже разут, в одной майке, без галстука, и лицо его было возбужденно.

— Таня, — крикнул он, — беги скорее к нам. Отец подарил мне настоящих ездовых собак.

Но Таня не переставала копать, и руки ее были черны от земли, а лицо лоснилось.

— Этого быть не может, — сказала она, — ты обманываешь меня. Когда же успел он это сделать? Ведь мы вместе пришли сегодня в город.

— Нет, это правда, — сказал Филька. — Он привел их в город еще три дня назад и держал у хозяйки в сарае. Он хотел мне сделать подарок, и он зовет тебя посмотреть.

Таня снизу еще раз внимательно посмотрела на Фильку.

В конце концов, это могло быть и правдой. Ведь дарят же детям вещи, о которых они мечтают. И дарят им это отцы — как часто читала об этом Таня.

Она бросила нож на грядку и вышла за ворота на улицу.

Филька жил через двор. И ворота его были закрыты.

Но он широко открыл их перед Таней, и она увидела собак.

Возле них на земле сидел Филькин отец и курил. Трубочка его хрипела так же громко, как в лесу у костра, лицо его было приветливо. Олень стоял привязанный к забору. А собаки лежали все вместе, все без хвостов, куцые, настоящие нартовые лайки; не поднимая острых морд, протянутых на земле, они снизу посмотрели на Таню волчьим взглядом.

Охотник закрыл ее от зверей.

— Они злые, друга, — сказал он.

А Филька добавил:

— Это почище твоей австралийской собаки динго.

— Я знаю этих собак отлично, — сказала Таня. — А все-таки это не дикая собака динго. Запрягите их, пожалуйста.

Охотник был озадачен немного. Запрягать летом собак? Эта забава была так неразумна. Но и сын попросил его это сделать. И охотник достал из сарая легкую нарту и упряжь и поставил собак своих на ноги. Они поднялись, ворча.

А Таня любовалась их нарядной упряжью, обитой сукном и кожей. И султанчики на их головах развевались, подобно белым метелкам повеяника.

— Это богатый подарок, — сказала Таня.

Охотник был рад похвале своей отцовской щедрости, хотя произнесла ее только девочка.

Они посидели на нарте, и Таня подержала хорей — длинную палку из ясеня, окованную на конце железом. Она уже умела управлять нартой.

А собаки все вертелись, налегая на задние ноги, собираясь бежать, тянуть нарту по голой земле. Охотник дал им за усердие юколу, которую достал из мешка. Он вынул еще из-за пазухи две другие сушеные рыбки, две крошечные корюшки, светящиеся на солнце, протянул их сыну и Тане. Филька начал громко грызть, а Таня отказалась. Но кончилось тем, что и она съела свою рыбку.

Охотник же стал собираться в дорогу. Пора было уже покинуть этот город, где олень его целый день голодал. Он загнал собак в сарай и распряг там нарту. Потом отвязал от забора оленя и дал ему на ладони соли. Вьюки же были готовы давно.

За воротами охотник попрощался с детьми.

Он подал Тане руку — одну, потом другую, как подают на прощание соседу, и просил по снегу приехать на собаках в гости.

Сына же он обнял за плечи.

— Будь, если можешь, — сказал он, — добрым охотником и ученым. — И, вспомнив, должно быть, жалобы начальника на сына, добавил в раздумье: — И носи свой платок на шее, как надо.

Вот он уже подошел к повороту, ведя оленя в поводу, и обернулся еще раз. Лицо его было смугло, как у Фильки, будто сделано из дерева, но выглядело оно приветливо. И Тане было жалко, что он так скоро исчез за поворотом.

— Хороший у тебя отец, Филька, — сказала она в раздумье.

— Да, я его люблю, когда он не дерется.

— А разве он дерется когда-нибудь?

— Очень редко. И лишь тогда, когда бывает пьян.

— Вот как! — Таня покачала головой.

— А твой разве никогда не дрался? — спросил Филька. — И где он у тебя? Я его никогда не видел.

Таня посмотрела Фильке в глаза — не заметит ли она в них любопытства или усмешки? Она, кажется, никогда не говорила с ним о своем отце.

Но Филька смотрел Тане прямо в лицо, и глаза его выражали одно лишь простодушие.

— Никогда он, — сказала она, — не дрался.

— Тогда ты должна любить его.

— Нет, я не люблю его, — ответила Таня.

— Вот как! — сказал в свою очередь Филька и, помолчав немного, тронул Таню за рукав. — Почему? — спросил он.

Таня нахмурилась. И тотчас у Фильки все слова кончились, словно ему тут же отрезали язык. И казалось, никогда он уже больше не спросит ее ни о чем. Но Таня внезапно покраснела.

— Я его не знаю совсем.

— Он разве умер?

Таня медленно покачала головой.

— Так где же он?

— Далеко, очень далеко. Может быть, за океаном.

— В Америке, значит.

Таня помолчала.

— Я угадал, в Америке, — повторил Филька.

Таня еще медленнее повела головой справа налево.

— Так где же он? — спросил Филька.

Толстые губы Фильки были открыты. По правде сказать, Таня поразила его.

— Ты знаешь, где Алжир и Тунис? — сказала она.

— Это я знаю. В Африке. Он, значит, там?

Но Таня снова покачала головой, на этот раз более печально, чем прежде.

— Нет, Филька. Ты знаешь, есть такая страна — Маросейка.

— Маросейка? — повторил за ней Филька задумчиво: это слово понравилось ему. — Должно быть, красивая страна — Маросейка.

— Да, Маросейка, — тихо сказала Таня. — Дом номер сорок, квартира пятьдесят три. Он там.

И она исчезла в своем дворе.

И Филька остался на улице один. Он все больше удивлялся Тане. Он был совершенно сбит с толку.

— Маросейка, — сказал он.

Может быть, это остров, который он за это лето забыл? Эти проклятые острова никогда не держались в его памяти. В конце концов, он был лишь простой школьник, мальчик, родившийся в глухом лесу, в кожаном шалаше зверолова. И к чему ему острова?

III

Вода лилась из бочки в жестяную лейку с таким славным шумом, будто это была вовсе не старая вода, запертая в гнилой бочке, а маленький водопад, только что родившийся высоко в горах, под камнями. Голос его был свеж и полон благодарности к этой девочке, которая одним движением руки освободила его и предоставила возможность бежать куда угодно. Он громко звенел и так красиво жгутом сворачивал в воздухе свою струю, может быть, из одного только желания обратить ее внимание на себя.

А Таня вовсе не слышала, не замечала его. Держа деревянную затычку в руке, она думала об отце. Разговор с Филькой сильно встревожил ее память.

Но трудно думать о человеке, которого никогда не видала и о котором ничего не помнишь, кроме того, что он твой отец и живет где-то в Москве на Маросейке, дом № 40, квартира 53. В таком случае можно думать только о себе. А что касается себя, то Таня давно уже пришла к заключению, что она не любит его, не может любить, да и не должна. Ах, она знает все отлично! Он полюбил другую женщину, он оставил мать, он

ушел от них много лет назад, и, может быть, у него есть уже другая дочь, другие дети. Что же он тогда для Тани? И пусть мать не говорит о нем только одно хорошее. Это ведь гордость, не больше. Но и ей, Тане, доступна она. Разве не из гордости она всегда молчит о нем? А если и приходится вымолвить несколько слов, то разве сердце ее при этом не разрывается на части?

Так думала Таня, а вода из бочки все текла, текла, и маленький водопад все шумел и прыгал, оставленный без всякого внимания. Давно наполнил он жестяную лейку Тани и бежал по земле, теперь уже не боясь, что его снова запрут. И, добежав до Тани, притронулся к ее ногам. Но и это не заставило обратить на него внимание. Тогда он побежал дальше, к грядке с цветами, сердясь и шелестя по-змеиному меж черных камешков, валявшихся повсюду на дорожке.

И лишь крик няньки вывел Таню из раздумья.

Старуха стояла на крыльце и кричала:

— Чего балуешься? Всю воду выпустила. И сама вымокла. Посмотри на себя. Или не жалко тебе маминных денег — ведь мы за воду деньги платим!

Таня посмотрела на себя. В самом деле, руки ее были в земле, тапочки разорваны камнями, а чулки мокры от воды!

Она показала их няне. И старуха перестала кричать, а только всплеснула руками. Она принесла ей из колодца свежей воды, чтобы помыться.

Колодец был далеко от двора, а вода холодна. И пока Таня смывала пыль и грязь, нянька помаленьку ворчала.

— Растешь ты, как я погляжу, быстро. Вот уж пятнадцать скоро, — говорила она, — а все никак в свое положение не придешь. Думная ты уж очень.

— Это что же значит? — спросила Таня. — Умная?

— Да не умная, а думаешь много, отчего и подуравей выходишь. Иди, иди, сухие чулки надень.

СОДЕРЖАНИЕ

ДИКАЯ СОБАКА ДИНГО, ИЛИ ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ	5
ВАСЬКА-ГИЛЯК	141
НИКИЧЕН	285
ШПИОН	399
РАССКАЗЫ	
Смерть Юн Фа-фу	477
Несчастье Ан-Сенена	483
На утренней заре	497
Два снайпера	509
На реке	515
Писатели приехали	521
Андро из Стояновки	529
Каникулы	543
Начало	557
Мальчик в лесу	566
Девочка с камнем	568
Непоседа	571
Подарок	577
Путешественники вышли из города... ..	583
Подвиг в майскую ночь	589